

ПОТУСТОРОННЕЕ

ОНО СУЩЕСТВУЕТ

АННА ОДИНЦОВА

СЕРАЯ МАТЬ

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
О-22

Серийное оформление,
иллюстрация на обложке:

Диана Бигаева

ISBN 978-5-17-161509-3 © Одинцова А. К., текст, 2024
© Бигаева Д. Ю., обложка, 2024
© ООО «Издательство АСТ», 2024

ЗАДОЛГО ДО

Ты должен.

Иначе не спасешься.

Ты ведь знаешь это.

Да, Анатолий Сергеевич знал. И потому протянул ей свою ношу. Жадные серые пальцы сжали плечи Светика и почти без усилия забрали трехлетнюю дочь у него из рук. Горящие ладони все еще чувствовали изгибы исхудавшего детского тела. Складочки давно не стиранной одежды словно отпечатались на коже. Жгли. Призывали действовать.

Но все, что он мог, — это склонить голову и бухнуться коленями в песок посреди полумрака пещеры, полной выступов и сводчатых впадин. Пасмурный оловянный свет, сочащийся от входа, тек над песчаными волнами, наполняя теньями большие и малые каверны, касался жесткой чешуйчатой кожи существа напротив.

Серая Мать — так она себя называла. Анатолий Сергеевич не знал почему. О ее детях он тоже ничего не знал. Не хотел знать. Догадывался только, что они есть, раз она — Мать. Может, потому она и забрала Светика? У ребенка ведь должна быть мать... Или уже есть? Или...

Мысли путались. От них болела голова и делалось страшно. Именно от них, от мыслей. Ему вдруг

отчаянно захотелось убежать. Вырвать Светика из этих серых лап, прижать к себе и бежать куда глаза глядят, чем дальше, тем лучше!

Но, даже сгорбившись, уродливая Серая Мать возвышалась над взрослым мужчиной почти на полметра. Ему, разбитому, ослабевшему от голода, побег не по силам. Он не смог бы. Он откуда-то знал, что справиться с ней невозможно.

— Толенька, не надо! — умоляла Маша, червем извиваясь в пылящем от каждого движения песке. — Толенька, я прошу тебя! Толенькааа...

Кричать и плакать — вот все, что оставалось сейчас его жене. Серая Мать велела связать ее, и Анатолий Сергеевич подчинился. Запястья Маши он стянул ремнем, вытащенным из мятых брюк, а ноги — своей засаленной, истрепавшейся рубашкой. Ничего другого у него с собой не было. Серая Мать не приказала ему захватить что-то с собой. Просто распорядилась привести их сюда, в Колыбель. Сказала, что он сможет спастись, если приведет их. А он очень хотел спастись. Больше всего на свете. Он думал об этом каждый час, каждую минуту, с тех пор как оказался здесь. И Серая Мать пообещала ему это.

Теперь ее рука, длинная и узловатая, как ветка старого дерева, прижимала Светика к килевидной груди. Дочка свисала безвольной куклой, и от этого зрелища что-то опять рвалось внутри у Анатолия Сергеевича, но уже так глубоко, что он едва ощущал это. На поверхности все было спокойно. Ладони остыли. Он не должен был бояться за Светика. Она наверняка сейчас видит сны. Серая Мать умеет вызывать хорошие сны.

Большая голова с выпуклыми бельмами глаз повернулась в сторону кричащей и бьющейся в пыли Маши. Вторая рука коснулась жены. Ладонь

с шестью паучьими пальцами проползла вверх по плечу и впилась в растрепанные, много дней не мытые волосы, обхватив голову почти целиком.

Крик оборвался на полуслове. Лицо Маши разгладилось, глаза закатились, и вся она как-то обмякла, тоже превратившись в куклу. Серая Мать склонилась к ней. Тонкие веки прикрыли глаза цвета вареной рыбы. Десятки отверстий раскрылись и затрепетали под ними, сделав лицо Серой Матери похожим на ноздреватый метеорит.

Анатолий Сергеевич задержал дыхание, когда Маша снова распахнула глаза. Запавшие, с черными дырами расширенных зрачков, они смотрели мимо него, мимо Серой Матери, мимо всего, на что здесь можно было смотреть. Маша видела что-то свое, и ее новый вопль прозвучал особенно страшно, почти добравшись до живой мякоти, прикрытой искусственной прохладной пленкой спокойствия.

Забудь.

Почти, но все-таки не добравшись.

Ощущение раздираемого на клочки сердца настолько притупилось, что Анатолий Сергеевич практически не чувствовал его. А раз не чувствовал, то было ли оно вообще?

Забудь.

Нет, конечно же, нет. Ничего не было.

— Теперь я спасусь? — полушепотом выдавил он, осмелившись поднять взгляд на Серую Мать.

Мертвые глаза открылись и уставились на него. Длинная рука, отпустив глухо воющую Машу, указала на выход.

Спасайся.

И тогда он, оскальзываясь на сыпучем песке, поспешил наружу: то на четвереньках, то, горбато

пригнувшись, на двух ногах. Выбравшись из Колыбели, Анатолий Сергеевич бросился прочь.

Какой-то ком в кармане спадающих без ремня брюк мешал ему бежать. Не останавливаясь, он выдернул его из кармана и отшвырнул в сторону, а затем нырнул в пропитавший все вокруг туман. Розовая собачка — любимая игрушка Светика — осталась валяться в пыли посреди серой пустоши.

Анатолий Сергеевич бежал все дальше и дальше, увязая ботинками в песке цвета пепла и обливаясь холодным потом. Он бежал прочь от Колыбели, от Серой Матери, от самого себя.

И тем спасся.

НАКАНУНЕ

1

— Пошел вон отсюда! — непривычные, злые слова срывались с языка через силу.

Ничего подобного Олеся Полунина никогда раньше не произносила. К двадцати двум годам она, воспитанная флегматичными родителями и интеллигентным дедушкой, и голос-то толком повышать не научилась, но сейчас...

Сейчас все шло наперекосяк. Катилось под откос. Старая двушка, где предыдущие хозяева сделали перепланировку, из безопасного угла превратилась в поле боя.

— Это моя квартира! И ты здесь больше не живешь! — Непривычный к крику голос Олеси подрагивал.

Эта дрожь исходила из глубины груди, где птичьи неистово трепыхалось сердце, и распространялась по всему телу. Особенно сильно она ощущалась в руках и ногах. Казалось, сделай Олеся хоть полшага вперед, и трясущиеся ноги сразу подломятся, не выдержав тяжести тела.

Но отступить было нельзя. Она и так постоянно отступала. Молчала, оправдывалась перед самой собой, глушила тревогу поиском «позитивных» моментов. Хватит! Если снова смолчать, как обычно, то... Все. Дальше будет еще хуже.

И потому Олеся держалась. Стиснув руки в кулаки (не будь ее ногти коротко подстрижены — впились бы в ладони до крови), она застыла на границе маленькой кухни, совмещенной с гостиной, где сейчас царил мерзкий, устроенный чужими людьми беспорядок. Ворот любимого джемпера душил, челюсти были сжаты почти до боли. Родители вложили дедушкино наследство в покупку этой квартиры, и превращать ее в притон она не позволит!

Возле дивана, обитого искусственной кожей, переминался с ноги на ногу долговязый Вася. В воздухе витал сладковатый запах травки и какой-то еще, более резкий. Набитый продуктами пакет оседал, привалившись к стене в коридоре — там, где Олеся выпустила его из рук. Она собиралась приготовить запеканку на ужин, но теперь это не имело значения.

— Собирай свои вещи и уходи!

Кровь стучала в висках, щеки пылали, выбившаяся из-под заколки рыжая прядь щекотала ухо, но сейчас Олесе было все равно, как она выглядит. Она хотела лишь одного: отстоять свой дом.

— Котенок, ну ты чего? — Вася протянул к ней тощие, сплошь забитые татуировками руки. Выразительное лицо сложилось в заискивающую гримасу, мутноватые глаза настойчиво ловили Олесин взгляд.

И как она раньше всего этого не замечала? Замечала, конечно замечала! Но как могла не придавать этому значения? Как ей вообще могли нравиться эти клешни в наколках, эти дикие наркоманские глаза? Наивная идиотка! Повелась на смазливое киношное лицо и пустые обещания!

— Собирайся и уходи!

— Котенок, ну не горячись... Ребят я выставил. Да, был неправ. Но зачем вот так-то?

Ребята — дриц с красными дредами, развалившийся на ее диване прямо в ботинках, и две размалеванные девицы с пирсингом — действительно уже ушли. Ушли сразу после того, как Олеся, вернувшаяся с учебы пораньше, пригрозила вызвать полицию.

Теперь угрозу пришлось повторить.

— Если ты сейчас же не соберешь вещи и не уйдешь отсюда, я правда позвоню в полицию! — Правой рукой она выдернула смартфон из кармана куртки, которую так и не успела снять. — Это не твоя квартира! Ты здесь не прописан! Ты... Ты мне никто! — Напряженные голосовые связки гудели в горле, и собственный голос напоминал Олесе ворчание рассерженной собаки. По краям поля зрения напирало что-то темное, напоминающее ту самую черноту.

«Только не сейчас, пожалуйста. Только не сейчас».

— Так, все ясно с тобой. — Лицо Васи разгладилось, приняв то презрительно-отрешенное выражение, которое и придавало ему сходство с известным актером. — Ты тут давай успокаивайся, а я пойду покурю.

— Нет!

Будто не замечая ее, Вася привычным жестом откинул назад модно подстриженные волосы, в последнее время сильно отросшие и засаленные, и двинулся в прихожую.

— Нет, — твердо повторила Олеся ему в спину. — Ты свалишь сейчас. С вещами.

— Да с хера ли? — Вася резко повернулся к ней. — Ты че, совсем с катушек слетела? Ты меня

за кого вообще держишь? Че, власть почувствовала?

Лицо, казавшееся раньше таким привлекательным, злобно искривилось. Не отрывая от девушки тяжелого взгляда, Вася шагнул к ней.

Олеся не успела понять, как оказалась возле кухонной столешницы. Вместо телефона во взмокшей ладони был зажат нож. На периферии зрения все утопало в подступающей черноте. Пространство превратилось в темный тоннель, в конце которого стоял Вася.

«Не сейчас, — мысленно приказала себе Олеся. — Пусть я упаду после. Не сейчас». Иногда это срабатывало, и приступ отступал. Иногда — нет.

— Ты. Здесь. Больше. Не живешь, — отчеканила она, с трудом проталкивая слова сквозь одеревеневшее горло.

Воздуха не хватало, внутренняя дрожь колотила все сильнее. Удивительно, что Вася этого не замечал. Если бы он сделал еще шаг, если бы все же попытался ее ударить... Вряд ли Олеся пустила бы в ход нож. Нет, точно не пустила бы. Она никогда не смогла бы сделать такое.

Но Вася не попытался.

Вместо этого он вдруг отвел взгляд и отступил назад. Процедил сквозь зубы:

— Больная! — и двинулся к встроенному шкафу. Распахнул дверцы — резко, так что одна из них хрустнула петлями. Не обращая внимания на посыпавшиеся вещи, выдернул с нижней полки спортивную сумку.

Продолжая сжимать в онемевшем кулаке нож, Олеся как во сне наблюдала за его перемещениями по квартире. Чернота, застилающая взор, понемногу рассеивалась. Безжалостно переворачивая и роняя ее вещи, Вася сгребал в сумку свои

пожитки, накопившиеся за три месяца совместной жизни.

Когда он направился к выходу, Олеся пошла следом.

— Ключи, — выдохнула она, едва узнав собственный голос.

Уже взявшись за дверную ручку, Вася обернулся. Запустил руку в карман куртки.

— На, сука!

Олеся запоздало отшатнулась, и с силой брошенная связка оцарапала щеку.

Когда дверь за бывшим парнем захлопнулась, в квартире повисла тяжелая тишина. Она давила на уши невидимым куполом, наполняла шумом радиопомех опустевшую голову. Заметив, что до сих пор сжимает в кулаке нож, Олеся отбросила его в сторону, словно мерзкую многоножку. Нож стукнулся об пол, блестящее лезвие вспыхнуло отраженным светом лампы так ярко, что пришлось отвести глаза.

Взгляд упал на пару кроссовок в углу за дверью. Его кроссовок. Остатки адреналина выплеснулись в кровь, разогнали по телу новую волну жара.

Схватив первый попавшийся пакет, Олеся захихала в него кроссовки, а затем бросилась в ванную. Вася не стал туда заходить, и теперь она сама швыряла в пакет его вещи: станок и гель для бритья, зубную щетку, дезодорант, шампунь, оставшиеся на батарее носки...

С пакетом в руках она выскочила в подъезд. Вызвала лифт, лихорадочно тыкая в кнопку.

Когда Олеся выбежала во двор, Васина «лада» с тонированными стеклами уже тронулась с места.

— И это забери! — Срывающийся выкрик больше не напоминал рычание.

Олеся неуклюже швырнула пакет вслед удаляющейся машине, и тот, несколько раз перевернувшись в воздухе, шлепнулся в лужу посреди дороги. Две мамы с колясками, остановившиеся у детской площадки в центре двора, окинули Олеся долгим взглядом.

Вася, разумеется, не стал останавливаться.

«Да и черт с ним! Пусть катится!»

Олеся потащила обратно в подъезд. В размокших тапочках хлюпало. Всплеск агрессии отнял все силы. На глазах закипали слезы.

Но она все-таки не упала.

Первый припадок случился, когда Олесе было четыре года. Родители и бабушка рассказывали, как сорвались все вместе в больницу, бросив свои дела, а Олеся помнила только черноту. И сильный страх. Ужас. Чернота несла в себе нечто такое, что не желало уместиться в сознании. Она наполнила маленькую Олеся целиком, как вода наполняет кувшин, но при этом оставалась *ничем*.

Ни до, ни после Олеся не сталкивалась с такой всеобъемлющей пустотой. Чернота наплывала со всех сторон, но больше не проникала внутрь. Если удавалось сохранить ясность зрения, как сейчас, она отступала. Если нет — обволакивала полностью, и Олеся падала, на несколько секунд теряя сознание. Судорог не было, только падение.

Это случалось раз или два за год, иногда — ни разу. А иногда чернота подступала чаще. И хотя врачи говорили, что сдержать начавшийся приступ эпилепсии невозможно, у Олеси получалось. Ей не верили, и после четырнадцати она перестала об этом рассказывать. А после семнадцати прекратила пить таблетки. Толку от них все равно не

было, только сонливость и слабость, а ей нужно было сдавать экзамены и поступать.

После смерти дедушки приступы прекратились. Их не было почти три года, и вот теперь чернота вернулась. Ухудшение? Олеся не хотела думать об этом. И без того было тошно. Глядя под ноги, она вошла в подъезд. Двойные двери хлопнули за спиной, окончательно отделяя ее от залитого дождем двора и от Васи.

Неподалеку от лифта стояла старуха.

Невысокая, сгорбленная, в любую погоду одетая в один и тот же засаленный плащ и пухлый грязно-желтый берет с козырьком, она впилась в Олесю жадным взглядом. Совсем как те мамы со двора, только еще хуже. Ноздри старухи раздувались и опадали. Неровно обведенные яркой помадой губы беззвучно двигались: сжимались, растягивались, подворачивались внутрь, как будто снимая пробу со слов, которые вот-вот должны были выплеснуться наружу.

Эту сумасшедшую старуху, живущую непонятно в какой квартире, знал, наверное, весь подъезд. По крайней мере, так казалось Олесе. Сама она ни с кем из соседей не общалась, и вряд ли узнала бы их, встретив где-то вне дома. Старуха же... Она появлялась повсюду, и не узнать ее было невозможно. На улице ее, то и дело застывающую столбом посреди двора, обходили стороной, а она словно и не замечала: стояла себе, пристально вглядываясь в рельеф домов и деревьев, и шевелила губами. Как школьник, рассматривающий в учебнике схему, которую необходимо знать наизусть.

Олеся запомнила старуху с первой встречи в день переезда из общежития.

— Что, на все готовое?